

НОВЫЕ РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

В людях

МАРИЯ АРОНОВА:
Я должна быть лошадью в шорах

Маша Аронова — арбатская Лайза Минелли. Незаурядная натура и безусловный талант проторили ей дорогу к первым ролям звездного Вахтанговского театра. Среди иных ее добродетелей — искренность. Подчас зашкаливающая. Искренность женщины — это мужество. Искренность актрисы — мужество вдвойне.

Веста БОРОВИКОВА

Владик

— Ваш сын вырос в театре?
— Да. Так получилось. Я родила его в девятнадцать лет, на втором курсе. До четырех лет мне мама помогала. А потом, когда ее не стало, началась катастрофа. Я опаздывала на спектакли. Он спал в машине. У меня были дикие истерики. Это страшная вещь — совмещать театр и ребенка, если ты одна. Это убивает материнство. Убивает любовь. Убивает терпимость и нежность. Надо быть фантастически сильной женщиной, чтобы получилось.
— У вас не было выбора.
— Конечно. Я очень старалась. Я пыталась сохранить лицо. Я старалась не видеть в нем своего несостоявшегося мужа, как это часто бывает с одинокими матерями. Свои беды, как это тоже часто бывает. Когда во всем виноват ребенок, появившийся на свет. Но несколько моментов таких было, за которые мне до сих пор стыдно перед собой. Он забыл об этом. А я — помню.

— Он приходит на ваши спектакли?
— Он приходит на спектакли, он любит смотреть меня по телевизору. Он страшно гордится, что его мама — Маша Аронова. Это имеет как свои плюсы, так и минусы. Потому что он, как любой ребенок достаточно известного родителя, начинает мои победы воспринимать как свои. Это очень опасная штука.

Владик проходит мой путь. Он очень заметный. Все его одноклассники могут что-то делать. Как только «это» сделал Владик — двойка, вызов родителей.
— И что вы ему советуете? Быть потише?
— Нет. Я разрешаю ему быть

лучаса, как появится человек, который больше умеет и лучше может. И ты опять начинаешь отвоевывать пространство. И это — нормально. Хотя счастье моего положения в этом театре заключается в том, что мне не надо ничего отвоевывать. Нужно соответствовать.

— А бывает, накалывает усталость соответствовать?

— Опасность успеха в том, что ты успокаиваешься. Как только ты начинаешь жить с самоощущением большого профессионала, жизнь начинает подкидывать тебе очень странные экзамены, к которым ты не готов. Например, проблемы со здоровьем, и вместо тебя вводят на спектакль кого-то другого. Тебя сравнивают. Дай бог, если этот человек, который ввелся на твою роль, тебя не переплюнет.

— У вас были сомнения в выборе профессии?

— Никогда. Я хотела быть актрисой, сколько себя помню. И еще я хотела быть худой и с очень длинной косой. Человек ведь всегда хочет иметь то, чего у него нет.

— А чего вы хотите сейчас?

— Я хочу быть слабой. Я хочу плакать, когда мне хочется. А у меня нет такой возможности. И не было никогда в жизни. Я всегда подавала какой-то пример, всегда была в людях.

— Вы можете позволить себе в театре быть слабой?

— А кому я буду интересна? Мной никто не будет заниматься.

— То есть театр — не для слабых?

— Если ты слаб и тобой занимаются, он для тебя. Мной заниматься не будут. Я никогда и ничего не получу просто так. НИКОГДА! Ни одной роли у меня не родится без мучений, я никогда не заработаю ни одной ко-

его начинают бить. И хочу, как курица огромная, накрыть его своим крылом. Сидеть у него в ногах, смотреть ему в рот и работать. Я ему благодарна, что он в меня верит. Вы думаете, у нас с ним легкие работы? Он меня бьет, раздевает, он был ко мне так жесток! Впрочем, и я не подарок. Эмоции, которые вываливаются из меня во время выпуска спектакля, — это Ниагара. Я абсолютно максимальный человек. У меня есть только белое и черное. Я знаю, стоит мне чуть чуть измениться — и у меня решилась бы куча проблем.

— И личных тоже? Наверное, трудно в семье с такими принципами?

— Так семьи-то, по большому счету, и не было. До встречи с Женей.

Женя

— С Женей не было страсти. Было постепенное открывание цветка. Для меня было открытием, что я реально вижу человека, с которым у меня роман. До этого всегда земля начинала в другую сторону крутиться, и ужас заключался в том, что я наделяла своего избранника теми качествами, которыми он не обладал никогда в жизни. А потом страшно разочаровывалась. С Женей все было иначе. Я заболела. Он пришел ко мне в больницу и через решетку в окне сказал: «Я ухожу с работы. Буду сидеть с ребенком». Он собрал Владика в первый класс. Я лежала в больнице, смотрела фотографии моего сына, любовно сделанные Женей первого сентября, и не могла ничего понять — в доме с моим сыном живет мужчина, с которым у меня был всего лишь спокойный роман.

Я считаю, что Женя — великий человек. Он пошел на риск, потому что жить рядом со мной очень сложно. Все эмоции, которые я сдерживаю в театре, вываливаются на плечи моих близких. Дома я слабая, трусливая, расстраиваюсь по мелочам... Впрочем, когда нужно кого-то спасти, я просто Железный Феликс.

— У вас нет ощущения превосходства над мужчинами?

Досье «ВМ»

Мария Валерьевна Аронова родилась в городе Долгопрудном 11 марта 1972 года. Окончила театральное училище имени Щукина в 1994 году. Работает в Театре им. Евг. Вахтангова с 1992 года. За роль Екатерины в спектакле «Царская охота» получила премию имени Станиславского (1994). За роль Прони в спектакле «За двумя зайцами» — «Хрустальную Турандот» (1998). Лауреат премии «Кумир» в номинации «Надежда года» (1999). Премия «Чайка» (1998). Премия мэрии Москвы (1998). Государственная премия РФ за роль Москалевой в спектакле «Дядюшкин сон» (2001 год).

Снималась в сериалах «Клубничка», «Остановка по требованию», «Московские окна» и др. Живет в Долгопрудном. Замужем. Сын Владислав.

Маша Аронова открывает Юлии Рутберг глаза на измененную природу мужчин. «Амфитрион» Мольера в театре им. Вахтангова

заметным. И считаю, что это правильно. Я не хочу, чтобы он был в толпе. Но я всегда говорю ему правду. Как мне моя мама. Мне однажды девочки в классе объявили бойкот. Я пришла в слезах: «Они меня не любят». А мама меня спросила: «А ты их любишь?» Я задумалась. «Тогда почему они тебя должны любить?»

Профессия

— Если ты занял свою нишу и живешь с ощущением того, что ты незаменим, не пройлет и по-

пейки без каторжного труда.

— И вам никто не помогает?

— Нет.
— А как же Иванов? (В. В. Иванов — режиссер, педагог Маши в Щукинском училище, любимый наставник. — В. Б.).

— Иванов — это другое. Это папа. Весь наш курс остался по распределению в Москве. В этом — заслуга только Иванова. Сейчас я молю Бога, чтобы он был здоров и полон творческих сил. Я безумно хочу помогать ему во всем. Я очень переживаю, когда

— У меня нет знаете чего? Ощущения, которое я бы очень хотела испытать: я — вторая. Я не знаю, что это такое. Я пытаюсь себе прилечь, что это такое. Но так получается, что все равно большая часть ляжки в семье оказывается на моих плечах. Я не могу сказать, хорошо это или плохо. Я же не содержанка. Хотя я очень хочу, чтобы был человек, который бы смог меня обуять и одеть.

— Но вы не сможете стать содержанкой с вашим характером!

— Но я мечтаю об этом! Я же не испытывала этого никогда! Мне кажется, что это прекрасно!

Я изменяю себе

— А если серьезно, я поняла одну вещь: я не должна путать профессию со своей жизнью. Я бытовая женщина. Я должна создавать дом, где должно быть уютно. У меня должна быть семья. Я должна проводить время со своими мужем и сыном. Я должна жить, как жила моя мама. И свою профессию я должна видеть только на уровне работы. Мой образ жизни не может быть богемным. Я тогда просто умру. Я говорю банально, оголая фактуру. Но это так. Поэтому, если вам показалось, что во мне нет стержня и я скучаю по какой-то непрожитой жизни, то это не так. Просто это далось внутренними раздорами, в результате которых я поняла: я должна быть лошадью в шорах. Я должна думать. Я должна уметь прощать. Я должна быть очень доброй. Мне нельзя завидовать. Суесться. Спешить. Это не мое. Я изменяю себе. Вот в чем дело.

— Кстатит, вы кому-нибудь завидуете?

— Нет человека, который бы никогда никому не завидовал. Чувство зависти, как вино, начинает бродить в тебе, и ты сходишь

с ума. И признаться в этом никому нельзя. Это очень стыдно.

— А по отношению к себе чувствуете зависть?

— Вы знаете, мой первый муж был из актерской среды. И для меня было неприятным открытием то, что его не радовал мой успех. А в театре... Пусть говорят все, что угодно. Только не в глаза. В открытой нелюбви я жить не могу.

— А в театре возможно, чтобы люди скрывали свою нелюбовь?

— В театре на открытый конфликт, правдивые слова практически никто никогда не выходит. Тебя могут забыть куда-то пригласить. Тебя могут не поздравить с премьерой... Я была очень удивлена в свое время. Мне казалось, что люди театра должны быть открыты. Мне казалось, что это благородно. Оказалось, что это ошибка. За это сильно наказывают. И я решила для себя, что открываться можно только близким людям. И только в тот момент, когда тебя спросят. То есть схема моей жизни — это дом и работа.

— Минус отношения с людьми.

— Минус. Никаких друзей, никаких приятелей, никаких тусовок.

— А если, не дай бог, вы расстанетесь с близким мужчиной?

— Это будет катастрофа.